

О. А. Кострова

Самарский государственный социально-педагогический
университет

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ПАССИВИЗАЦИЯ СИТУАЦИЙ В НЕМЕЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

С позиций грамматики залог рассматривается как феномен, устанавливающий соответствие между единицами синтаксического и семантического уровней. Возможность языкового представления одной и той же ситуации в форме активного и пассивного залога определяется как языковая ментальность, имеющая универсальный характер. Однако выбор той или иной формы концептуализации ситуации характеризует речевую ментальность. Известно, что пассив употребляется в немецком языке чаще, чем в русском. Лингвисты видят причину этого в лексико-грамматических факторах, отличающих строй немецкого языка: наличие большего количества переходных глаголов, возможность образования безличного пассива и др. В настоящей статье выбор пассива для обозначения ситуации связывается с речевой ментальностью, имеющей характерные особенности в немецкой культуре, которая характеризуется как низкоконтекстная, индивидуалистская, рациональная и моноактивная. Ключевым этноспецифическим концептом этой культуры является *ORDNUNG* 'порядок', предполагающий соблюдение правил. Доминирующим культурным стандартом является ориентация на дело. Способ мышления личности в такой культуре формируется как рефлексивный, направленный на себя. Рационализм личности настраивает ее на соблюдение порядка и норм общественной жизни. Связь выбора пассива с немецкой культурой устанавливается методом когнитивного анализа ситуаций, описанных в романах современных немецких авторов Патрика Зюскинда, Уве Тимма и Бернхарда Шлинка. Форма представления ситуаций, а именно, выбор для ее репрезентации пассивного залога, анализируется с позиции немецкой языковой личности, представленной самим автором и его персонажами. Рационально оценивая ситуацию, немецкая языковая личность выбирает страдательный залог, если не видит себя ее активным участником, поскольку осуществление ситуации регулируется правовыми или иными нормами. Страдательный залог выбирается при рациональном осмыслении нелицеприятных для языковой личности ситуаций. Языковая личность рефлексивно оценивает ситуации, обозначающие некоторый факт в прошлом, на

который она не может повлиять, и выбирает для их репрезентации пассивный залог в форме плюсквамперфекта. С помощью трехчленного пассива представляются ситуации, в которых называется реальный агенс, не связанный с говорящим лицом. Специфической пассивной формой, отсутствующей в русском языке, является инфинитив пассива. С помощью этой формы обозначаются ситуации, осуществление которых является целью говорящего, но не зависит от него.

Ключевые слова: рефлексивное мышление; реакция на среду; концептуализация ситуации; концепт ПОРЯДОК; выбор пассивного залога

1. К постановке проблемы

Интерес исследователей к проблеме залоговости, несмотря на значительное количество посвященных ей работ, не угасает. В отечественной лингвистике приоритетное направление в изучении категории залога определили ученые-русисты ленинградской школы. Вслед за А. А. Холодовичем во многих работах отечественных авторов залог рассматривается как «схема соответствия между единицами синтаксического уровня и единицами семантического уровня» (ХОЛОДОВИЧ 1970: 13), как грамматически маркированная в глаголе диатеза (MOSKALSKAJA 1983: 126-128; АДМОНІ 1986: 181; ХРАКОВСКИЙ 1991: 143; БОНДАРКО 1991: 127). Тем самым акцент изучения охватывает сферы морфологии, семантики и синтаксиса глагольного предложения. Грамматическая маркированность залога делает его в отличие от диатезы неуниверсальным понятием, форма выражения и сфера функционирования которого различаются от языка к языку (ХРАКОВСКИЙ 1991: 143). Однако саму возможность языкового представления определенного участка мира в той или иной залоговой форме можно, вслед за О. Г. Почепцовым, определить как *языковую ментальность* (ПОЧЕПЦОВ 1990: 111), имеющую, вероятно, универсальный характер, по крайней мере для индоевропейских языков. Реализация этой грамматически определяемой возможности происходит в речи за счет *речевой ментальности*, отражающей специфику выбора участков мира (*ibid.*), охватываемых в данном случае страдательным залогом. В связи с этим до сих пор не утратил актуальности вопрос, сформулированный Элизабет Лайсс: *почему, а точнее, с какой целью мы употребляем пассив*

(LEISS 1992: 72). Предлагаемые в разных работах ответы на этот вопрос носят, согласно Лайсс, описательный, а не объяснительный характер (ibid.). Описания даются, исходя из анализа соответствующего языкового строя.

На материале русского языка большое внимание уделяется сопряженности страдательного залога с другими категориями, такими как персональность, аспектуальность, темпоральность, модальность, отрицание, субъектность, объектность (ПУШЫНИН 1991: 211-239). Отечественные германисты, останавливаясь на характеристике субъектно-объектных отношений, лежащих в основе противопоставления актива и пассива, подчеркивают, с одной стороны, *деятельностный характер* переходных глаголов, способных к пассивизации, а с другой — *функцию агенса*, исходящую от субъекта активного предложения (ШУБИК 1989: 8-13). В пассивном предложении, напротив, на первый план — в позицию подлежащего — выдвигается *роль объекта*, имплицитная процесс: описывается то, что происходит с объектом (ibid.: 25, 31). Уточняя грамматическую характеристику объекта в процессе пассивизации средствами немецкого языка, Лайсс приходит к выводу, что для понимания сущности пассива необходимо привлечение понятия *определенности* (Definitheit), соотносимого с семантическим объектом — пациенсом, который выдвигается в синтаксически приоритетную позицию подлежащего (LEISS 1992: 81-84). Перераспределение семантических акцентов осуществляется за счет *изменения семантики залоговых форм глагола-сказуемого* (ШУБИК 1989: 31). Изменение семантики реализуется в процессе, который Лайсс называет *интранзитивацией* (LEISS 1992: 87). Пассивное предложение интранзитивно, поскольку в нем исключается использование прямого объекта. Его основное преимущество исследователи видят в том, что субъектность не связывается с признаком агентивности (ШУБИК 1989: 31; LEISS 1992: 88). Мы вернемся к этому свойству пассива ниже.

В более новых работах при исследовании пассива эксплицируется роль прагматики; залог рассматривается как «тонкое взаимодействие морфологии, синтаксиса и прагматики с участием, как правило, всех трех компонентов» (ПЛУНГЯН 2011: 256). Прагматический компонент позволяет понять суть залоговых

механизмов: залог нужен для того, чтобы показать, «как говорящий *хочет представить* (курсив наш — О. К.) соответствующую ситуацию и ее участников» (ibid.: 255). В нашем понимании это означает: как он реализует свою речевую ментальность. Сама ситуация остается прежней, залог указывает на изменение коммуникативного ранга ее участников (ibid.: 257). При этом изменяется семантика тема-рематического отношения: на месте тематического агенса в центральной грамматической позиции появляется тематически маркированный определенным артиклем пациенс. Однако, как отмечается исследователями, это не соответствует действительному употреблению. Так, С. А. Шубик (1989: 33) считает, что в двучленных пассивных конструкциях реализуется *функция выделения объекта*, иллюстрируя это многочисленными примерами; на материале английского языка это подтверждается в (КЛЮШИНА 2011). Наш материал тоже свидетельствует об этом: пациенс может быть определенным, но выступать в качестве ремы (1) или даже, представляя новое в высказывании, выступать с неопределенным артиклем (2).

- (1) ...den Geschwistern Herbert und Viktoria wurde *jeder Wunsch* erfüllt (SCHLINK 2019:18).
- (2) Im Jahr 1989 zogen beide zusammen, *ein gemeinsamer Sohn* wurde geboren (Gegenwartskorpora mit freiem Zugang).¹

Чтобы понять стратегию автора, выбирающего пассив, требуется обращение к более широкому гиперсинтаксическому контексту (ИШМУХАМЕТОВА 2010: 170). Здесь фактически речь идет о *перспективе говорящего*, выбирающего тот или иной способ концептуализации ситуации, что определяется как языковой, так и речевой ментальностью.

Понятие перспективы, используемое в теории диатезы и при интерпретации тема-рематического членения, является центральным в трактовке пассива немецкими германистами. В их трудах перспектива связывается с изменением семантики глагольного предиката. Выбирая страдательный залог, автор может изменить акциональную перспективу на событийную. К. Вельке иллюстрирует это таким примером: «Egon beleidigt Emil. Emil wird

¹ <https://www.dwds.de/d/korpora/dwdsxl>.

von Egon beleidigt» (WELKE 2002: 273), объясняя его так: Эгон делает то, что происходит с Эмилем, т. е. заменяет описание *действия* Эгона на представление *события*, происходящего с Эмилем.

Далее Вельке, замечает, что такая замена релевантна только для архетипического личного пассива, она не объясняет наличие безличного пассива (ibid.: 274). И. И. Ревзин объясняет значение событийности, как и Лайсс, через понятие интранзитивации, которой подвергаются транзитивные глаголы, принимая модифицированную пассивную форму. Признак интранзитивации определяет необязательность объекта (РЕВЗИН 2009: 233), что подтверждается доминантным употреблением двучленного пассива. В пассивной конструкции число мест при глаголе редуцируется за счет винительного падежа (ibid.: 235).

В сравнении с русским в немецком языке пассив употребляется гораздо чаще. Принимая во внимание, что оба языка относятся к языкам номинативного типа, зададимся вопросом, чем обусловлена разница в частотности. К. Г. Крушельницкая называет некоторые системно-языковые и стилистические причины этому факту. К системно-языковым причинам исследователь относит наличие в немецком языке большего количества переходных глаголов, чем в русском; так глагол *stören* в немецком языке требует прямого дополнения, а в русском его эквивалент 'мешать кому-л.' — косвенного; соответственно, немецкий глагол возможен в пассивном залоге, а его русский эквивалент — нет (КРУШЕЛЬНИЦКАЯ 1961: 169). С другой стороны, потенциальная многозначность русских глагольных форм на -ся делает невозможным образование страдательного залога от некоторых переходных глаголов, поскольку эта частица придает им возвратное (хвалиться) или взаимное (целоваться) значение (ibid.: 170). Крушельницкая замечает также, что в немецком языке «больше выражена тенденция к «подлежащему» оформлению предложения», что является причиной «употребления страдательного залога при отсутствии указания на деятеля». Употребление в таких случаях действительного залога с подлежащим *man* «не соответствует стилистической норме деловой речи» (ibid.: 171). Замеченная Крушельницкой норма соблюдается не только в деловой речи; в художественном тексте тоже нередки подобные случаи, ко-

торым в русском языке соответствуют функциональные синонимы пассива — неопределенно-личные предложения.

- (3) Wenn mir ungefragt Bücher *zugeschickt werden*, trage ich sie <...> nicht zur Mülltonne, sondern hierher (ТИММ 2013: 139). — Если *мне присылают* книги, не спрашивая меня...

К системно-языковым факторам, способствующим большей употребительности пассива в немецком языке, относится также возможность образования безличной формы от непереходных глаголов, описывающих деятельность человека, которые в перфекте спрягаются с глаголом *haben*: «Ihnen wurde geholfen. Auf den Straßen wurde gespielt und getanzt» (JUNG 1997: 234-235).

Приведенный обзор показывает, что при изучении пассива учитывается как взаимодействие внутриязыковых категорий, так и межъязыковое сопоставление. Тем не менее проблема этим не исчерпывается. Открытым остается вопрос о влиянии *внутренних поведенческих факторов*, создающих предпочтительный выбор пассивных, а не активных конструкций в рамках реализации *речевой ментальности* и определяющих тем самым частотность употребления пассива. Выявление комплекса таких факторов и попытка дать им объяснение составляет *цель* настоящей статьи. Реализация цели показывается на материале концептуализации ситуаций, типичных для немецкой лингвокультуры.

2. Материал и методология исследования

Материалом исследования послужили около 200 ситуаций, репрезентированных в пассивной форме. Ситуации извлечены из романов современных немецких авторов П. Зюскинда, У. Гимма и Б. Шлинка. Эпизодически привлекались данные из открытых немецких электронных ресурсов.

Концептуальный анализ пассивного залога в немецком языке произведен в статье (РИМСКАЯ 2013), где описаны три типа специфических социокультурных ситуаций, передаваемых в пассивном залоге. М. А. Римская не связывает, однако, специфику ситуаций с немецкой языковой личностью, объясняя эту специфику сложившейся традицией. Тем не менее мы не можем игнорировать языковую личность, поскольку именно она делает выбор при концептуализации ситуации тем или иным способом. Своеобразие концептуализации реализуется на основе взаимо-

действия личности с окружающей средой.² Здесь следует принимать во внимание особенности среды, воздействующей на личность. Немецкая языковая личность формируется в условиях *низкоконтекстной индивидуалистской* культуры (HALL 1981: 39; SCHROLL-MASCHL 2013), что определенным образом влияет на ее речевое поведение.

Л. В. Куликова, характеризуя немецкий коммуникативный стиль, пишет: «Вербальный стиль низкоконтекстной коммуникации несет на себе отпечаток *индивидуалистских ценностей и линейного логического способа мышления*. Это прямой эксплицитный коммуникативный стиль, ориентированный на адресанта» (КУЛИКОВА 2011: 160). С. Шроль-Махль (SCHROLL-MASCHL 2013: 49-51), систематизируя культурные стандарты, типичные для немцев, выдвигает на первый план «*Sachorientierung*» ‘ориентация на дело’, которое всегда в центре внимания. Другими словами, — это рационализм, о котором пишут многие исследователи (см., например, в [ЯСПЕРС 1991: 86]). Еще одной важной чертой немецкой системы ориентации Шроль-Махль считает «*Wertschätzung von Strukturen und Regeln*» ‘уважение к правилам и структурам’ (ibid.: 71-72). Выявленные на опыте общения с деловыми партнерами черты немецкого культурного стандарта согласуются с ключевым концептом немецкой культуры, определяемым как *ORDNUNG* (МЕДВЕДЕВА и др. 2011).

Наконец, в теории искусственного интеллекта отмечается, что индивидуалистские ценности агента (в применении к человеку — личности) делают его рассуждения во многом *рефлексивными*, «обращенными на свое сознание, в частности, на *результат собственной активности*» (ДЕВЯТКОВ 2023: 21). Можно предположить, что, оценивая ситуацию, подлежащую обозначению, такая личность рассуждает примерно так: я не могу повлиять на воздействие среды, поэтому выбираю способ выражения, не связан-

² Аналогом поведения личности является поведение агента в теории искусственного интеллекта, в которой агенты классифицируются в зависимости от их реакции на среду. В классификации предполагается наличие трех больших классов агентов: реактивно рассуждающих, символически рассуждающих и рефлексивно рассуждающих (ДЕВЯТКОВ 2023: 20). Далее мы опираемся на эту классификацию.

ный с моей активностью, — пассив. Тем самым задается модус концептуализации, при котором проявляется «ориентация на дело», агентивный субъект уходит с позиции подлежащего, а способ обозначения становится непрямым. Непрямой способ обозначения является в данном случае, на наш взгляд, следствием культурогенных факторов — рациональности рассуждающей языковой личности и ее деловой ориентации в немецкой лингвокультуре. В рациональной перспективе когнитивно осмысляются, разумеется, не все, но многие типы ситуаций; наиболее значимые из них рассматриваются в статье. Добавим, что не все из них являются культурно специфичными, однако тенденция их рациональной концептуализации, несомненно, присутствует.

3. Результаты исследования

3.1. Пассивная концептуализация ситуаций, исключаящих участие субъекта речи

Рациональное рефлексивное рассуждение, исключаящее возможность воздействия на ситуацию говорящего, позволяет подойти к ее обозначению с позиций необходимости объективной фиксации, например, через оформление события в документах. Поскольку это происходит без участия субъекта речи, уважающего существующие правила, ситуация репрезентируется пассивным залогом. Здесь реализуется к тому же концепт PÜNKTlichkeit, производный от ключевого концепта немецкой лингвокультуры ORDNUNG (Медведева и др., 2011). Сюда относятся описанные Римской ситуации рождения и записи в школу, обозначаемые специальными лексемами (geboren werden; eingeschult werden). Представляется, однако, что подобные ситуации чаще описываются без специальных лексем с применением пассива.

В романе Тимма персонажи встречаются с ситуациями, в которых требуется определенная документальная фиксация. Пассивная концептуализация, исключаящая влияние говорящего, связана с базовым концептом немецкой культуры ORDNUNG, предполагающим соблюдение установленных в социуме правил (ibid.: 64). Следование правилам и нормам также происходит без активного вмешательства субъекта и обозначается пассивом, образуемым с помощью вспомогательного глагола gehören. У. Энгель так определяет прагматическое значение этого глагола.

Schließlich hat *gehören* eine ethische, mindestens appellative Komponente, also das Merkmal ‚auffordernd‘, das sich an einer allgemeingültigen oder als allgemeingültig aufgefassten Norm orientiert (EN-GEL 1996: 458). — Наконец, у *gehören* есть этический, по меньшей мере апеллятивный компонент, т. е. признак ‘требующий реализации’, который ориентируется на общезначимую или воспринимаемую в качестве общезначимой норму (перевод мой — О. К.).

Приведем ситуацию из романа Тимма *Vogelweide*. Антипод главного героя архитектор Эвальд выражает готовность исправить проект здания, в котором, согласно нормативам, следует приподнять вход в лифт. Готовность Эвальда передается персональным рассказчиком в косвенной форме.

- (4) Man müsse allerdings den Zugang zum Fahrstuhl verändern, da der etwas *angehoben gehöre* (Тимм 2013: 102).

Это редкий, но, как представляется, показательный пример употребления пассива, характеризующий специфичность его использования в немецкой лингвокультуре.

Более регулярно представлены ситуации, пассивная концептуализация которых передается с помощью вспомогательного глагола *werden*. Так, главный герой описывает ситуацию, связанную с постройкой высотного дома и безоговорочно требующую согласования многих компонентов и точных расчетов. Говорящий осознает необходимость этих действий, что подчеркивается модальным глаголом *müssen*, исключая при этом возможность повлиять на ситуацию.

- (5) ...aber die Koordination, sagen wir, für den Bau eines Hochhauses, ist eher kompliziert, weil so viele Determinanten aufeinander *abgestimmt werden müssen*. Allein die Anfahrwege für den Beton *müssen genau berechnet werden* (ibid.: 119).

Соблюдения правил требуют, однако, и многие повседневные действия, влиять на порядок выполнения которых не имеет смысла, например, определенным образом упорядочивается процесс приготовления кофе, и хотя Эшенбах говорит об этом в шутливой форме, глагол *müssen* в его речи присутствует.

- (6) Wer Kaffee kocht, nehmen wir den Oma-Kaffee, kann es schnell oder langsam tun. Alle Dinge *müssen vorbereitet* und aufeinander *abgestimmt werden* (ibid.: 118).

В другой ситуации описывается фиксация в юридических документах предметов собственности в процессе конфискации при объявлении главного героя романа банкротом:

- (7) All das, was Eschenbach gesammelt und zusammengetragen hatte..., war entweder schon *gepfändet* oder später *von der Insolvenz erfasst worden*. Allerdings hatte Eschenbach rechtzeitig die Ming-Vase... zum Bahnhof getragen und in ein Schließfach eingeschlossen und so den Listen entzogen, in denen alles *erfasst wurde*. Seine Sammlung von Netsuke und die Ledersessel... waren zur Versteigerung *angezeigt worden* (ibid.: 218).

Употребляя процессуальный пассив (Vorgangspassiv), говорящий *объективирует* процесс документирования, косвенно признавая его необходимость. Агентивный субъект Эшенбах противопоставляется пассивному грамматическому субъекту пассивного предложения All das 'все это'. Здесь можно также видеть проявление культурного стандарта, предполагающего ориентацию на правила, производного от концепта ORDNUNG.

Во многих случаях, чтобы достичь объективности, речь должна идти о прозрачности процесса выполнения какого-то действия. Например, при разработке программы, которой занят главный герой, 'сложная непрозрачность должна переводиться в быструю (легко достижимую — О. К.) прозрачность'.

- (8) Eine neue hochkomplizierte Unübersichtlichkeit, die in eine schnelle Übersichtlichkeit *transponiert werden müsse* (ibid.: 134).
- (9) Sie seien dabei, ein Programm zu entwickeln, das die Kommunikation zwischen Gemeinden und Bürgern ermögliche, so dass Entscheidungen, Daten, Projekte einsehbar wären, *Fragen gestellt*, auch Informationen untereinander *ausgetauscht werden könnten* (ibid.: 134-135).

Достижение прозрачности — необходимый фактор упорядоченности процесса, ведущий к успеху предприятия. Осознав это, Эшенбах с партнером быстро достигают финансового процветания фирмы. Немалую роль в этом играет опора на ключевой концепт немецкой культуры ORDNUNG. Пассивная концептуализация ситуации помогает показать ее объективность.

Исключение участия субъекта речи передается в ситуации, когда над ним производится действие вопреки его ожиданиям.

- (10) Wir dachten, jetzt stoßen wir auf die Zusage und den Baubeginn an. Aber erstmal wurden wir in Autos *verfrachtet* und zu einem Essen ge-

fahren (ibid.: 106). — Мы думали, сейчас мы чокнемся за согласие и начало строительства. Но сначала нас погрузили в машины и повезли на обед (перевод мой — О. К.).

Исключение субъекта речи предполагается и в ситуациях концептуализации обычных рутинных действий, например, сельскохозяйственных работ, производимых в то или иное время года.

(11) Im Herbst *wurde geerntet und gedroschen und gepflügt*, im Frühling *ge düngt und geeggt und gesät...* (SCHLINK 2019: 100).

В таких случаях субъекту речи не имеет смысла противодействовать устоявшимся нормам, а реальный агент его не интересует.

3.2. Концептуализация нелицеприятной ситуации

Вставая на рациональную (объективирующую) позицию, автор может концептуализировать нелицеприятную ситуацию, не считая себя причастным к ней. Например, в начале романа *Парфюмер* автор обнаруживает намерение рассказать о гениальнейшем и вместе с тем ужаснейшем человеке в пассивной форме.

(12) Im achtzehnten Jahrhundert lebte in Frankreich ein Mann, der zu den genialsten und abscheulichsten Gestalten dieser an genialen und abscheulichen Gestalten nicht armen Epoche gehörte. Seine Geschichte *soll hier erzählt werden* (SÜSKIND 1985: 5).

Тем самым Зюскинд в известной мере оправдывает свой замысел, уходя как автор с позиции субъекта, осознающего вместе с тем необходимость представить читателю историю убийцы.

Один из эпизодов романа Шлинка *Ольга* повествует о том, как главный герой романа Герберт, участвуя в колониальном походе в Африку, наблюдает сцену расстрела гереро, прятавшихся за большим муравейником.

(13) ...und einmal sah er, wie schwarze Leiber mit dem Termitenhügel, hinter dem sie Deckung gefunden hatten, von einem Geschoss zerfetzt und *in die Luft gewirbelt wurden* (Schlink 2019: 62). — ...а один раз видел, как... клочья черных тел разлетались в воздухе (ШЛИНК: URL).

Пассивная репрезентация мало приятной ситуации говорит скорее всего о том, что Герберт не считает себя ее виновником.

3.3. Концептуализация фактивных ситуаций

В моноактивной немецкой культуре, в которой особое значение придается нацеленности на результат, типичны ситуации, обозначающие некий факт как результат определенного процес-

са. Обычно средством их репрезентации служит плюсквамперфект пассива. В них особенно наглядно проявляется независимость от активности субъекта речи. Так выражается положение соперников, один из которых покинут женой, а другой — любимой женщиной.

(14) Er sagte, wir *sind* beide *verlassen* worden (ТІММ 2013: 216).

В другой ситуации концептуализируется факт выставления на аукцион имущества главного героя:

(15) Seine Sammlung der Netsuke und die Ledersessel... *waren* zur Versteigerung *angezeigt* worden (ibid.: 218).

3.4. Концептуализация реального / имплицированного агенса

При концептуализации трехчленным пассивом называется реальный агенс, не совпадающий ни с субъектом речи, ни с лицом, о котором идет речь.

(16) Manchmal, morgens, im Sommer... *wurde* er *vom* Gebrüll der Löwen *geweckt* (ibid.: 95).

Уникальный случай представляют ситуации, репрезентированные инфинитивом пассива. В таких ситуациях субъект речи выражает какое-л. желание или действует в соответствии со своим желанием, исполнить которое должны другие актанты, которые могут быть названы, а могут оставаться на уровне импликации. Экспликация агенса может происходить в переводе. Независимое от субъекта речи действие приобретает целевой оттенок, который также может быть эксплицирован в переводе.

(17) Nach der Konfirmation begann Viktoria zu betteln, nach Königsberg aufs Mädchenpensionat *geschickt zu werden* (SCHLINK 2019: 22-23). — После конфирмации Виктория начала упрашивать *родителей* отправить ее в Кенигсберг в пансионат для девиц (ШЛИНК: URL).

(18) Es war, als wollte Olga Herbert... einem so vorstellen, wie er sich gesehen hatte und gesehen werden wollte (ibid.: 104). — Ольга пыталась хотя бы одному человеку обрисовать его (Герберта — О. К.) таким, каким он сам себя видел и каким хотел предстать в глазах *других людей* (ibid.).

(19) Aber vor allem wollte sie *in Ruhe gelassen werden* (ibid.). — Но больше всего ей хотелось, *чтобы* ее оставили в покое (перевод мой — О. К.).

Уникальность конструкций подтверждается тем, что они вызывают переводческие трудности. Так, в переводе Снежин-

ской романа *Ольга* встречаются случаи, когда такие ситуации в переводе отсутствуют. Это имеет место, например, при описании любимого занятия главного героя в детстве, когда он бегал за поездом в надежде быть подхваченным им.

(20) Er... fand aber schöner, vom Zug *mitgenommen zu werden* (ibid.: 16).

Переводы показывают, что инфинитив пассива, не предполагающий участия субъекта речи или действия, не характерен для русского языка, что позволяет предположить его этноспецифичность для немецкой лингвокультуры.

4. Выводы

Анализ ситуаций, обозначаемых немецкой языковой личностью с помощью пассива, приводит нас к выводам, затрагивающим специфику языковой и речевой ментальности личности в немецкой культуре. Особенность языковой ментальности, общая для индоевропейских языков, состоит в возможности исключения агентивного субъекта путем пассивизации. Специфика немецкой лингвокультуры проявляется в речевой ментальности представителей немецкого этноса, что происходит под влиянием культурогенных факторов, из которых важнейшими являются, на наш взгляд, индивидуализм и рационализм, а также ключевой концепт немецкой культуры *ORDNUNG*. Рациональная оценка ситуации, ее рефлексивное осмысление в рамках индивидуалистской культуры с позиции исключения собственного активного участия в ней объясняют выбор ее пассивной концептуализации. Выдвижение пассивного субъекта, выражаемого нередко неодушевленным существительным, в позицию подлежащего соответствует культурному стандарту ориентации на дело.

В то же время пассивная концептуализация исключает эмоциональную оценку ситуации, подчеркивая низкоконтекстность немецкой культуры и ее ориентацию на индивидуалистские ценности языковой личности.

Проведенный анализ следует рассматривать как дополнение к грамматико-прагматической и дискурсивно-стилистической интерпретации категории залога в немецком языке.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Бондарко А. В. К определению понятия «залоговость» // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб.: Наука, 1991. С. 125—140. [Bondarko, Aleksandr V. (1991) K opredeleniyu ponyatiya “zalogovost” (On the Definition of the Concept of “Voice Status”). In: Bondarko, Aleksandr V. (ed.) *Teoriya funktsional'noy grammatiki. Personal'nost'. Zalogovost'* (The Theory of Functional Grammar. Personality. Voice Status). Saint Petersburg: Nauka, 125—140. (In Russian)].
- Девятков В. В. Системы искусственного интеллекта. М.: МГТУ, 2023. [Devyatkov, Vladimir V. (2023) *Sistemy iskusstvennogo intellekta* (Artificial Intelligence Systems). Moscow: BMSTU. (In Russian)].
- Ишмухаметова А. З. Гиперсинтаксические функции немецких пассивных конструкций // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12, № 3. С. 170—175. [Ishmukhametova, Alfa Z. (2010) Gipersintaksicheskiye funktsii nemetszkikh passivnykh konstruktсий (Hypersyntactic Functions of German Passive Constructions). *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk* (News of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences), 12, 3, 170—175. (In Russian)].
- Клюшина А. М. Пассивная конструкция как средство создания коммуникативной связности текста в английском языке // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13, № 2 (3). С. 672—674. [Klyushina, Alyona M. (2011) Passivnaya konstruktсия kak sredstvo sozdaniya kommunikativnoy svyaznosti teksta v angliyskom yazyke (Passive Construction as a Tool for Communicative Coherence in the English Text). *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk* (News of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences), 13, 2 (3), 672—674. (In Russian)].
- Крушельницкая К. Г. Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1961. [Krushelnitskaya Klavdiya G. (1961) *Ocherki po sobostavitel'noy grammatike nemetszkogo i russkogo yazykov* (Essays on Comparative German and Russian Grammar). Moscow: Inogiz. (In Russian)].
- Медведева Т. С., Опарин М. В., Медведева Д. И. Ключевые концепты немецкой лингвокультуры: Монография. Ижевск: Удмуртский университет, 2011. [Medvedeva, Tatyana S.; Oparin, Mark V. & Medvedeva, Diana I. (2011) *Klyuchevyye kontsepty nemetszkoy lingvo-*

kul'tury' (Key Concepts of German Linguistic Culture). Izhevsk: Udmurt State University. (In Russian)].

- Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2011. [Plungyan, Vladimir A. (2011) *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskiye znacheniya i grammaticheskiye sistemy yazykov mira* (Introduction to Grammatical Semantics: Grammatical Meanings and Grammatical Systems of the World's Languages). Moscow: Russian State University for the Humanities. (In Russian)].
- Почепцов О. Г. Языковая ментальность: способ представления мира // Вопросы языкознания. 1990. № 6. С. 110—122. [Pochepstzov, Oleg G. (1990) *Yazykovaya mental'nost': sposob predstavleniya mira* (Linguistic Mentality: a Way of Representing the World). *Topics in the Study of Language*, 6, 110—122. (In Russian)].
- Пушынин Ю. А. Заключительные замечания о системах неканонических средств выражения пассивности в русском и немецком языках // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб.: Наука, 1991. С. 210—238. [Pupynin, Yuriy A. (1991) *Zaklyuchitel'nyye zamechaniya o sistemakh nekanonicheskikh sredstv vyrazheniya passivnosti v russkom i nemetszkom yazykakh* (Concluding Remarks on Systems of Non-Canonical Means of Passivity Expressing in Russian and German). In: Bondarko, Aleksandr V. (ed.) *Teoriya funktsional'noy grammatiki. Personal'nost'. Zalogovost'* (The Theory of Functional Grammar. Personality. Voice Status). Saint Petersburg: Nauka, 210—238. (In Russian)].
- Ревзин И. И. Структура немецкого языка. М.: О.Г.И., 2009. [Revzin, Isaak I. (2009) *Struktura nemetszkiego yazyka* (Structure of the German Language). Moscow: O.G.I. (In Russian)].
- Римская М. А. Концептуальный анализ категорий пассивного залога // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2013. № 24 (315). Филология. Искусствоведение. Вып. 82. С. 136—139. [Rimskaya, Marina A. (2013) *Kontseptual'nyy analiz kategoriy passivnogo zaloga* (Conceptual Analysis of Passive Voice Categories). *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 24 (315), Philology. Art Criticism, 82, 136—139. (In Russian)].
- Холодович А. А. Залог: Определение. Исчисление // Категория залога: Материалы конференции / ред. А. А. Холодович. Л.: Наука, 1970. С. 3—25. [Kholodovich, Aleksandr A. (1970) *Zalog: Opredeleniye. Ischisleniye* (Voice: Definition. Calculus). In: Kholodovich, Aleksandr A. (ed.) *Kategoriya zaloga: Materialy konferentsii*. (Category of Voice: Con-

ference Papers). Leningrad: Nauka, 3—25. (In Russian)].

Храковский В. С. Пассивные конструкции // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб.: Наука, 1991. С. 141—180. [Khrakovskiy Victor S. (1991) *Passivnyye konstruktсии* (Passive Constructions). In: Bondarko, Aleksandr V. (ed.) *Teoriya funktsional'noy grammatiki. Personal'nost'. Zalogovost'* (The Theory of Functional Grammar. Personality. Voice Status). Saint Petersburg: Nauka, 141—180. (In Russian)].

Шубик С. А. Категория залога и поле залоговости в немецком языке. Л.: Наука, 1988. [Shubik, Sadye A. (1988) *Kategoriya zaloga i pole zalogovosti v nemetskom yazyke* (The Category of Voice and the Field of Voice Status in German). Leningrad: Nauka. (In Russian)].

Ясперс К. Смысл и назначение истории / пер. с нем. М. И. Левиной. М.: Политиздат, 1991. [Jaspers, Karl. (1991) *Smysl i naznacheniyе istorii* (The Meaning and Purpose of History). Moscow: Politizdat. (In Russian)].

Admoni, Vladimir G. (1986) *Der deutsche Sprachbau*. Moscow: Prosvesheniye.

Engel, Ulrich. (1996) *Deutsche Grammatik*. Heidelberg: Julius Groos. [3., korrigierte Aufl.]

Jung, Walter. (1997) *Grammatik der deutschen Sprache*. Leipzig: Bibliographisches Institut.

Hall, Edward. (1981) *Beyond Culture*. Garden City; New York: Anchor Press / Doubleday.

Leiss, Elisabeth. (1992) *Die Verbalkategorien des Deutschen: Ein Beitrag zur Theorie der sprachlichen Kategorisierung*. Berlin; New York: de Gruyter.

Moskalskaja, Olga. (1973) *Grammatik der deutschen Gegenwartssprache*. Moskau: Vysšaja škola. [3., verbes. u. erw. Aufl.]

Schroll-Machl, Sylvia. (2013) *Die Deutschen — Wir Deutsche. Fremdwahrnehmung und Selbstsicht im Berufsleben*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. [4. Aufl.]

Welke, Klaus. (2002) *Deutsche Syntax funktional: Perspektiviertheit syntaktischer Strukturen*. Tübingen: Stauffenburg.

Список источников / Quellenverzeichnis / List of Sources

Шлинк Б. Ольга / пер. с нем. Г. В. Снежинской. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус. 2019. URL: <http://www.libcat.ru/knigi/prosa/sovremennaya-prosa/423351-12-bernhard-schlink-olga.html#text>. [Schlink, Bernhard. (2019) *Ol'ga* (Olga). Saint Petersburg: Azbuka; Azbuka-Attikus. Retrieved from <http://www.libcat.ru/knigi/prosa/sovremen-naya>

- prosa/423351-12-bernhard-schlink-olga.html#text. (In Russian)].
Schlink, Bernhard. (2019) *Olga: Roman*. Zürich: Diogenes Verlag.
Süskind, Patrik. (1985) *Das Parfum. Die Geschichte eines Mörders*. Zürich: Diogenes Verlag.
Timm, Uwe. (2013) *Vogelweide: Roman*. Köln: Kiepenheuer & Witsch. [4. Aufl.]

Olga A. Kostrova

Samara State University of Social Sciences and Education

Conceptual Passivation of Situations in German Linguistic Culture

From the perspective of grammar, voice is considered as a phenomenon that establishes correspondence between units of the syntactic and semantic levels. The possibility of linguistic representation of the same situation in the form of active and Passive Voice is defined as a linguistic mentality that has a universal character. However, the choice of one or another form of conceptualization of the situation characterizes the speech mentality. It is known that in German, the Passive is used more often than in Russian. Linguists see the reason for this in the lexical and grammatical factors that distinguish the structure of the German language: the presence of a larger number of transitive verbs, the possibility of forming an impersonal passive, etc. In this article, the choice of the Passive Voice to indicate a situation is associated with the speech mentality, which has characteristic features in German culture, which is characterized as low-context, individualistic, rational and monoactive. The key concept of this culture is rule-bound ORDER. The dominant cultural standard is task orientation. In such a culture, the individual thinking way is formed as reflexive one, which is aimed at oneself. The rationalism of the individual sets him up to observe order and norms of social life. The connection between the choice of the Passive Voice and German culture is established by cognitive analysis of situations described in the novels of modern German authors Patrick Süskind, Uwe Timm and Bernhard Schlink. The presentation form of situations, namely, the choice of the Passive Voice for its representation, is analyzed from the view point of the German linguistic personality, represented by the author himself and his characters. Rationally assessing the situation, the German linguistic personality chooses the Passive Voice if they do not see themselves as an active participant in it, since the implementation of the situation is regulated by legal or other norms. The Passive Voice is chosen when rationally understanding situations that are unflattering for the linguistic personality. The linguistic personality reflexive-

ly evaluates situations that denote some fact in the past, which they cannot influence, and choose the Passive Voice in the form of the Plusquamperfect to represent them. With the help of the three-term Passive, situations are represented in which a real agent that is not associated with the speaker is named. A specific passive form, absent in Russian, is the Passive Infinitive. Using this form, situations, which implementation is the goal of the speaker, but does not depend on him are indicated.

Keywords: reflective thinking; reaction to the environment; conceptualization of the situation; concepts of ORDER; choice of the Passive Voice

Для цитирования:

Кострова О. А. Концептуальная пассивизация ситуаций в немецкой лингвокультуре // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2024. № XXI. С. 249—266.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2024-21-249-266.

To cite this Article:

Kostrova, Olga A. (2024) Kontseptual'naya passivizatsiya situatsiy v nemetskoj lingvokul'ture (Conceptual Passivation of Situations in German Linguistic Culture). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 21, 249—266. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2024-21-249-266.

Статья поступила в редакцию 01.03.2024; принята к публикации 24.04.2024

The article was submitted 01.03.2024; accepted for publication 24.04.2024